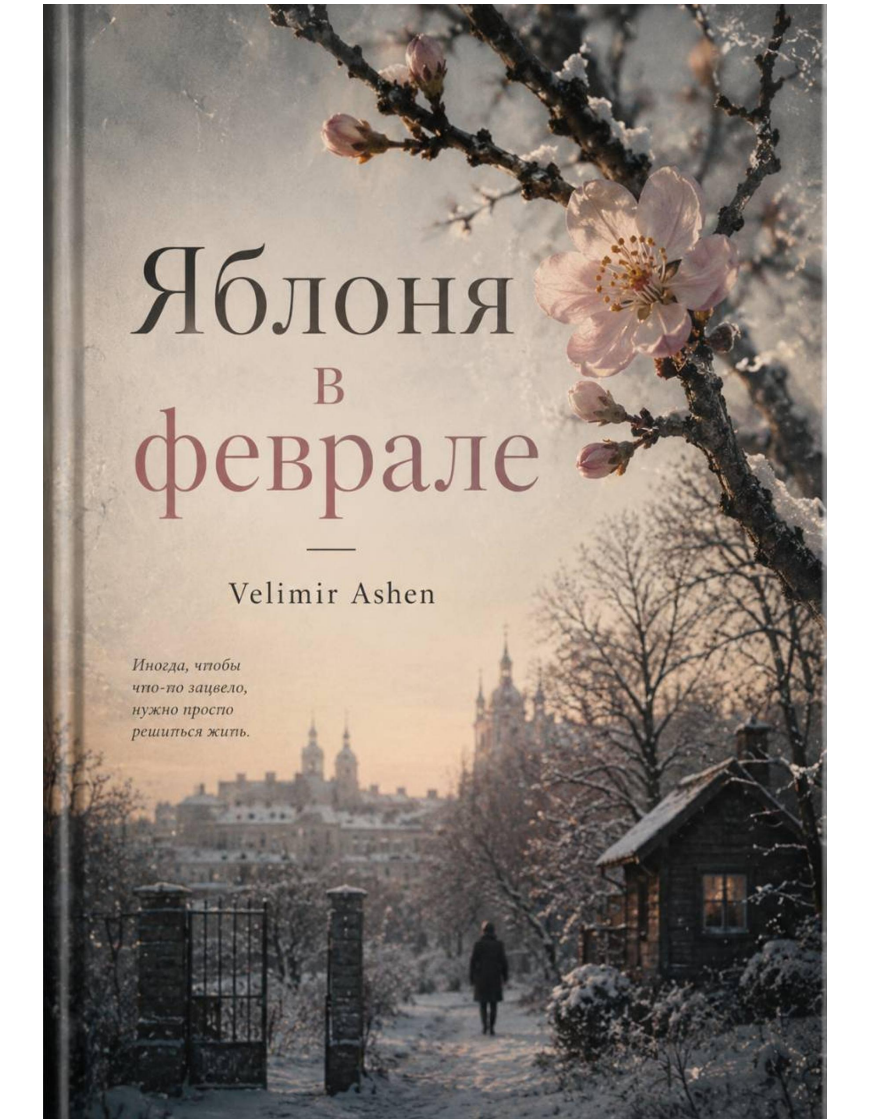

Яблоня В феврале

Velimir Ashen

*Иногда, чтобы
что-то зацвело,
нужно просто
решишься жить.*

Velimir Ashen

Яблоня в феврале

<https://litres.ru/74059674>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маше двадцать два. Архитектурный факультет, три года отношений, и предложение из Праги по стажировке в журнале, иллюстрации, всё, о чём она думала, но никому не говорила. Ответ нужен через четыре дня.

Она не может.

Вместо этого она каждый день приходит в сад между четырьмя домами, где работает садовник, который почти не разговаривает с людьми. Но почему-то пустил её в свой домик. И рассказал, что старая яблоня в центре цветёт зимой — только тогда, когда кто-то рядом принимает настоящее решение.

Она не знает, верит ли. Но приходит каждый день.

Velimir Ashen

Яблоня в феврале

Часть I. Сад, который дышит.

Он появился раньше города. По крайней мере, так говорили старожилы, те немногие, кто ещё помнил, каким был этот квартал лет сорок назад, когда улица Вязовая называлась просто «просекой», а вместо трёхэтажных домов с пластиковыми окнами здесь стояли деревянные бараки. Тогда сад уже был. И уже тогда за ним ухаживал садовник, правда, другой, старше нынешнего. Или тот же. Никто толком не мог сказать, и никто особо не проверял.

Нынешнего садовника звали Яков Семёнович Тихий, и фамилия его не вполне соответствовала характеру. Он умел молчать подолгу это правда. Но когда говорил, то иногда говорил лишнее, или не то, или слишком прямо в тот момент, когда человеку нужно было совсем другое. Он знал за собой этот изъян и относился к нему как к погоде, вроде неприятно, но не смертельно.

Руки у него были характерные для садовника: широкие ладони, короткие крепкие пальцы, вечно чёрные от земли ногти. Когда он касался ветки или стебля, прикосновение выходило осторожным, будто он слушал что-то, недоступное обычному слуху.

Сад занимал кусок городского пространства в виде непра-

вильного многоугольника земли между четырьмя домами, который по непонятным причинам не застраивали уже сорок лет. Городские власти несколько раз пытались то парковку, то детскую площадку, то однажды построить магазин. Каждый раз что-то мешало. Жители квартала давно перестали удивляться и просто говорили: «Там сад, он не хочет». Как будто у сада было мнение. Яков Семёнович с этим не спорил.

В феврале сад выглядел так, как должны выглядеть все сады в это время года: голые ветки, серый снег, тишина, которая была особой. Яков Семёнович умел их различать. Он зашёл через калитку, остановился, закрыл глаза на минуту. Это была его привычка каждое утро, прежде чем начать работу, просто постоять и послушать.

Сегодня сад был напряжён, словно мышца перед действием. Яков Семёнович открыл глаза и посмотрел на старую яблоню в центре сада. Яблоня была самым старым деревом. Пётр Андреевич, его предшественник, говорил, что ей больше ста лет. Росла криво, раскидисто, с несколькими мёртвыми ветками, которые почему-то не падали годами. Яков Семёнович никогда её не обрезал, хотя пробовал один раз в первый год и потом не мог объяснить, почему остановился на полпути. Просто опустил секатор и ушёл.

Сейчас на ветках не было ни единого бутона. Но что-то в яблоне за ночь изменилось. Яков Семёнович долго смотрел на неё, пытаясь понять, что именно. Потом решил, что показалось, поправил шарф и пошёл работать.

Маша Ильина появилась в его жизни в четверг, в четыре часа дня. Он услышал её шаги раньше, чем увидел. Шаги были прерывистыми, будто человек на каждом шагу решал, идти ли дальше.

Яков Семёнович сидел на скамейке у калитки с термосом и не обернулся, но отметил, что такой походкой ходят люди, которые пришли куда-то впервые и немного боятся. Шаги затихли рядом.

- Извините, - сказал голос. - Это частный сад?

Он обернулся. Девушка лет двадцати, может чуть больше. Невысокая, в большой синей куртке поверх свитера с оленями, несочетаемое сочетание, которое выдаёт человека, одевшегося второпях. Волосы светло-русые, кое-как собранные сзади. Глаза серые, и в них было что-то, что Яков Семёнович видел раньше, что-то между грустью и тревогой.

- Нет, - сказал он. - Открытый. Заходите.

Она вошла. Шла по дорожке медленно, почти остановилась у рябины, потом двинулась дальше к яблоне в центре. Постояла под ней, запрокинув голову. Потом присела и потрогала осторожно кору у основания двумя пальцами.

Яков Семёнович допил чай, поднялся, убрал термос в сумку.

- Ищете что-то?

- Нет. - Она выпрямилась. - То есть... Наверное, нет.

Он ждал. Она, кажется, тоже ждала чего-то своего.

- Я живу вон там, - сказала она и показала на угловой дом.
- Третий этаж. Я каждое утро смотрю из окна на этот сад.
- Она замолчала, будто сама удивилась тому, что говорит. - Он живой, даже зимой. Другие сады зимой просто... стоят. А этот не знаю, словно дышит.

- Он спит, - сказал Яков Семёнович. - Это не одно и то же, что мёртвый.

- Да, именно. - Она кивнула, и что-то в ней слегка расслабилось, плечи опустились на полсантиметра. - Как вы это делаете?

- Что именно?

- Ну... - Она обвела рукой вокруг. - Чтобы он был таким. Он подумал, что ответить. Правда была длинной, и он ещё не знал, нужна ли она этой девушке.

- Это долгий разговор, - сказал он.

- Хорошо. - Она посмотрела на него прямо. - У меня сейчас много времени.

Что-то в этой фразе в интонации заставило его сделать то, чего он почти никогда не делал. Он пригласил её к себе.

Домик стоял в дальнем углу сада, маленький с зелёной крышей. Внутри пахло землёй и сушёными травами. На столе лежали садовые перчатки, старая книга с закладкой из дубового листа, кружка с остывшим кофе. Над окном висели пучки засушенных растений, часть с этикетками, часть без.

Маша огляделась. Взгляд задержался на полке с тетрадь-

ми.

- Двенадцать, - сказала она.

- Тринадцать, - поправил он, ставя чайник. - Первая сгорела.

- Дневники?

- Записи о саде, о людях, которые приходят. Иногда о погоде.

Она поняла, что лучше не спрашивать больше. Он отметил, что у неё хорошее понимание границ. Налил чай себе и ей без спроса, поставил на стол блюдо с тремя сухарями и кусочком рафинада. Сел напротив.

- Про сад, - начал он. - Вы спросили, почему он такой?

- Да.

- Этот сад цветёт от решений.

Она подняла взгляд.

- Объясните.

- Я наблюдаю тринадцать лет. До меня здесь работал другой садовник Пётр Андреевич, он передал мне это место и рассказал. Сад откликается, когда кто-то приходит сюда и принимает настоящее решение. Не мелкое вроде «куплю хлеб» или «позвоню другу». А то, которое что-то меняет. Тогда цветёт что-то одно: куст, ветка, иногда целое дерево.

Она смотрела на него, не перебивала.

- В феврале? - спросила потом.

- В любое время года.

- И вы это видели?

- Тысячи раз.

Она обхватила кружку двумя руками.

- Как именно видели? Что происходит?

- Свечение сначала, потом появляется бутон. Иногда один, иногда несколько. Зависит от... не знаю, от чего зависит. Это часть, которую я не понял за тринадцать лет.

- Вы понимаете, как это звучит...

- Да, - сказал он. - Понимаю.

- И что, если я скажу, что не верю?

- Тогда не верьте. - Он пожал плечами. - Сад от этого не изменится.

Она посмотрела в окно.

- А «важное решение» это как? Кто решает, какое важное?

- Сад, - сказал он. - Не я.

- Но ведь сад не... - Она прервалась. - Ладно, допустим.

Он снова отметил, что она умела останавливаться. Это было редкое качество.

Часть II. Что значит не мочь выбрать

Маша пришла на следующий день. И через день, и ещё. Яков Семёнович не приглашал и не препятствовал. Она приходила во второй половине дня, когда посетителей почти не было, бродила по дорожкам или сидела на скамейке. Иногда рисовала в блокноте, он видел, но не смотрел намеренно. Разговаривали редко и ни разу о чём-то важном.

На пятый день она заговорила сама.

- Мне нужно принять решение, - сказала она. - Несколько

решений и я не могу выбрать.

Они сидели на скамейке у центральной дорожки. Он чинил ограждение клумбы, обычная работа, несрочная. Не остановился, только чуть повернул голову.

- Расскажите.

- Мне двадцать два. - Она потёрла лоб. - Учусь на архитектурном. Я поняла в конце первого курса, что это не моё.

- Что значит «не моё»?

Она, кажется, не ожидала уточнения.

- Значит... Я могу это делать. Я не бездарная, но когда сижу над чертежом, я не думаю о нём. Я думаю о том, что хотела бы рисовать что-то другое. Понимаете разницу?

- Да.

- Я хотела уйти в конце первого курса, потом в конце второго. Не ушла ни разу. Потому что родители... мама говорит «мы же платим, ты подумала?». Потому что парень говорит «зачем начинала, если бросаешь». Потому что я сама не знаю, что будет вместо. Потому что всегда есть «потому что».

Она взяла с земли сухую ветку и начала её крутить.

- Я рисую с детства. Хочу иллюстрировать книги. Или что-то в этом роде. Это звучит...

- Как желание, - сказал Яков Семёнович.

- Вы собирались сказать «как детская мечта»?

- Нет.

- Все говорят «это романтично, но». - Она сломала ветку.

- «Но» такое длинное, что «романтично» уже не слышно.

- Это всё?

- Нет. - Она бросила обломки. - Есть парень, встречаемся три года, зовут Андрей. Он хороший, правда, хороший. Но я думаю, что мы просто... привыкли. Как будто выросли вместе в одной комнате и теперь не знаем, кто мы без неё.

- Вы любите его?

Она долго молчала, слишком долго, чтобы быть просто обдумыванием.

- Я не знаю, - сказала она. - И это само по себе ответ, наверное. Но я не уверена, что это ответ на тот вопрос.

Яков Семёнович кивнул.

- И ещё, мне предложил художественный журнал стажировку в Праге на шесть месяцев. Мне нужно дать ответ через... - она посмотрела на телефон, - четыре дня.

- Что вы ответили пока?

- Ничего. Я прочитала письмо двенадцать раз.

Он закрутил винт, поднял взгляд.

- Когда вы пытаетесь принять решение, что происходит? Физически в теле?

Она посмотрела на него странно.

- Зачем вам физически?

- Потому что это полезнее, чем «что происходит в голове». В голове всё запутано. Тело честнее.

Она подумала.

- Как будто кто-то нажимает на паузу. Мысли идут и вдруг

стоп. Или наоборот всё сразу, и я не могу ничего выделить. Как когда много людей говорят одновременно.

- И что вы делаете?

- Откладываю. Говорю себе, что подожду, может само прояснится. Сплю, прихожу сюда.

- Здесь проясняется?

- Нет. - Она помолчала. - Но шума меньше.

Яков Семёнович встал, убрал инструменты.

- Я скажу вам кое-что, - начал он, - но, скорее всего, скажу неудачно, потому что это сложно сформулировать.

Она посмотрела на него.

- Попробуйте.

- Нерешительность - это не черта характера. Это... защитная реакция. Когда слишком много всего, то организм замирает.

- Я это знаю, - сказала она, и в голосе была усталость. - Мне говорили это. В разных формулировках. Это не помогает решить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.